

На Пик Разнорабочих не было мечей — лишь топоры для рубки дров да коромысла для ношения воды.

В первый день, когда Ань Цяньгу привели на Пик Разнорабочих, старый управляющий бросил ей ржавый топор для дров и даже не удостоился взглянуть на нее как положено.

На Пике Разнорабочих Секты Десяти Тысяч Мечей держат только мужиков с яйцами, — губы старика сморщились и зашевелились вверх-вниз, а мутные глаза обвели ровную грудь и кадык Ань Цяньгу. Его тон был полон крайнего раздражения. — Правила написаны черным по белому: если какая-то бестолковая баба посмеет притащиться сюда наниматься, ее тут же перережут сухожилия на руках и ногах и сбросят с Горы Десяти Тысяч Мечей. Тебе, парень, лучше тоже вести себя тише воды, ниже травы и не навлекать неприятностей.

Ань Цяньгу опустила голову и грубым, утробным голосом отозвалась:

— Есть.

Ее голос был выжат с помощью внутренней ци к самому кадыку и звучал с легкой юношеской хрипотцой. Ради этой «мальчишеской» личины ей приходилось каждую ночь туго-натуго перетягивать грудь белым шелком и даже дышать нарочито тихо.

Жизнь на Пике Разнорабочих оказалась куда тяжелее, чем охота на демонических зверей в густых лесах.

Каждый день еще до рассвета ученики-разнорабочие отправлялись за водой. От Пика Разнорабочих до Духовного Источника у подножия горы тянулось ровно три тысячи крутых каменных ступеней. Ань Цяньгу носила по два ведра воды, ее плечи стерлись до кровавых волдырей, которые лопались и вновь покрывались твердыми мозолями.

Она не могла культивировать духовную энергию, поэтому ей оставалось лишь использовать самый дурацкий способ — превратить ношение воды и рубку дров в тренировку клинка.

Рубя дрова, она пользовалась не обухом, а лезвием. Каждое полено она представляла себе горлом демонического зверя, запястье поворачивалось, и острое топора точно вонзалось в самую хрупкую щель древесного волокна. За три года кучи нарубленных ею дров выросли выше самой вершины Пика Разнорабочих.

Большинство учеников на Пике Разнорабочих были грубыми мужланами, сквернословили на каждом шагу и то и дело затевали драки из-за места у колодца или лишней площадки риса. Ань Цяньгу никогда не лезла на рожон, но и связываться с ней никто не смел.

Однажды один здоровенный детина со свирепым лицом заметил, какая она тощая, и нарочно толкнул ее во время носки воды, надеясь выставить на посмешище.

Ань Цяньгу не увернулась. Она лишь слегка подалась вбок и опустила плечо — мускулистый амбал врезался в нее словно в железную стену, споткнулся и кубарем полетел вниз по каменным ступеням, заработав себе сплошные синяки и шишки.

С тех пор ее никто не смел задевать.

Ань Цяньгу пробыла на Пике Разнорабочих ровно три года.

За все три года она не прикоснулась ни к одному мечу Секты Десяти Тысяч Мечей. Перед ее глазами изо дня в день мелькали лишь топор, коромысло, ведра да вечно грязные короткие халаты из грубой ткани.

Но ее взгляд был прикован к сокровенным глубинам Секты Десяти Тысяч Мечей.

Хотя Пик Разнорабочих находился на самом дне, порой мимо проходили ученики внутреннего круга. На их поясах висели мечи, шаги были легкими и стремительными, а обрывки фраз о приемах меча и техниках внутренней энергии откладывались в памяти Ань Цяньгу без единого пропуска.

У нее не было Духовного Корня, и она не умела культивировать духовную силу, но зато у нее были глаза, которые три года выслеживали демонических зверей в гуще леса. Она умела запоминать траекторию каждого удара меча и просчитывать уязвимые места в любом приеме.

Свой топор для дров она почитала за меч, а коромысло для воды — за копье.

Самым тяжелым, тупым и изнуряющим способом она вколачивала движения меча Секты Десяти Тысяч Мечей в собственные кости — дюйм за дюймом.

Пока не настала зима четвертого года.

В тот день на Пик Разнорабочих пожаловала ватага незваных гостей.

Слыхали? Тот самый старый предок, за которого снова выдали замуж ту барышню, внезапно окочурился.

Еще бы! Говорят, стряслась беда во время прохождения скорби.

А я слышал, что старшая барышня Линь перед этим даже сбежала со свадьбы. Семья Линь ее тогда силой приволокла обратно. Только толку теперь от этого возвращения?

Разве семья Линь не устроила ей новое замужество?

Вроде как пошли ей навстречу и позволили самой выбрать. На самом деле — просто потому, что выдать больше некому.

Тоже верно.

Ученики-разнорабочие обступили костер и со вкусом перемывали всем кости.

Ань Цяньгу сидела на корточках неподалеку и рубила дрова.

От их разговоров движение ее топора резко замерло.

Лезвие отклонилось на полдюйма и глубоко вонзилось в чурбак.

Она не подняла головы. Лишь ссутулившись, испачканными в древесной трухе руками она понемногу вытащила топор обратно.

Отражение пламени плясало на ее лице, но на этой нарочно испачканной и грубой на вид физиономии невозможно было прочесть ни единой эмоции.

Лишь глаза, прятавшиеся под растрепанными прядями волос, горели поразительным, пугающим светом.

<http://bllate.org/book/21200/2145947>